СВЯТОЙ КРЕСТИТЕЛЬ:
1020-летию Крещения Руси

И влез в святую купель,
и породился от Духа и воды,
в Христа крестившись
в Христа облачился;
и вышел из купели, обеленный,
сыном став нетления,
сыном воскрешения,
имя приняв навечно
именитое из рода в род — Василий.
Под ним же записан он в книге жизни
в вышнем граде, в нетленном
Иерусалиме.

Иларион, митрополит.
«Слово о Законе и Благодати»

Сегодня же, как и за всю долгую историю христианской Руси, Православная Церковь остается хранителем русского державного единства, прообразуя собою единение государственное. В Москве и Киеве, Кишиневе и Одессе, Харькове, Полтаве, Минске, Вильнюсе, Владивостоке, Казани, Петропавловске Камчатском, Алма-Ате и Грозном — всюду в православных храмах 28 июля вспоминают святого князя-крестителя, князя-объединителя земли Русской, князя, положившего новое основание русской государственности — веру православную.

Летопись повествует о выборе веры князем, о проповедниках христианских и магометанских, о законниках иудейских, стремившихся склонить Владимира на свою сторону. Он же отправил послов своих к «соседям в чуждые пределы» с тем, чтобы испытать, «который народ достойнее покланяется Божеству», возможно, это был лишь тонкий тактический ход, ибо дальнейшие события обнаруживают удивительную политическую мудрость, яркий государственный практицизм князя и вместе поразительное христианское благочестие его. Неземная красота византийского богослужения покорила сердца княжеских послов, Владимир решился стать христианином, но, по замечанию Карамзина, «он вздумал... завоевать Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя»[1]. Покорив Херсонес Таврический, князь потребовал себе в супруги византийскую царевну Анну, и, приняв в Херсонесе святое Крещение, он здесь же сочетался по христианскому обычаю браком с нею. Конечно, не одна лишь политическая выгода подтолкнула князя к этому решению, ведь и бабка его, княгиня Ольга, была христианкой и, предположительно, мать князя Малуша, и знаменитый его дядя Добрыня исповедывал правую веру. Владимир, в 17 лет занявший Княжеский стол и устанавливавший языческих идолов в Киеве, все же внутренне был готов к Крещению, и, повторим, что не только политическая корысть продиктовала ему этот путь.

Христианство еще в апостольские времена пришло на русские земли, а самый факт проповеди нового учения апостолом Андреем Первозванным наполняет это событие особым смыслом — ведь св. Андрей стал первым учеником Христа, как и народ «Русь» одним из первых принял в лоно свое Слово Божие. «Обыкновенно у нас насчитывают до пяти эпох в великом деле просвещения России Евангелием — *до пяти крещений*. Первою эпохою признается проповедь св. апостола Андрея в странах наших; второю — проповедь славянских апостолов Кирилла и Мефодия в Болгарии и Моравии и в особенности важнейший труд их — перевод Священного Писания и богослужебных книг на славянский язык; третьею — Крещение первых князей киевских Аскольда и Дира; четвертою — Крещение великой княгини Ольги; пятою и окончательною — Крещение великого князя Владимира»[2].

Крещение Руси в 988 г., т.е. освящение души народной и возведение христианства в ранг религии

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1989–1995. Т. 1. С. 151.

[2] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. В 9 кн. М., 1994–1997. Кн. 1. С. 163.

государственной, свершившееся по Промыслу Божию и по воле княжеской, стало событием неизмеримого разумом человеческим масштаба, и значение его для всей нашей истории трудно переоценить — так некогда св. равноапостольный император Константин отворил врата рая духовного своим соотечественникам, одновременно сообщив мощный царственный аккорд византийской государственности. *Князь Владимир подвел логический итог под тысячелетней историей раннерусского христианства* [лингвистические разыскания последних лет академика О.Н. Трубачева об Азовско-Черноморской Руси, указывающие на древний *славянский* Юго-Восток, мнение ученого, что именно здесь начал шириться этноним «рус», «Русь»[3], позволяют нам еще более уверенно говорить о 1000-летии раннерусского, довладимирского, христианства, о том, что именно славянам нес свет Истины св. Андрей Первозванный, и только еще раз убеждают в правильности научной концепции митрополита Макария (Булгакова)].

А ведь эта мысль очень важна, ибо, осознавая именно данный аспект самого акта Крещения, мы отодвигаем границу христианской культуры Руси на тысячелетие назад, то есть углубляем ее корни, сие же многое проясняет в нашей истории, и, в частности, проливает свет на вопрос о начале славянской письменности. Уже более столетия ученые бесплодно спорят о том, что за азбуку принесли нам свв. Кирилл и Мефодий, которых, по традиции, именуют «первоучителями славян». Мнение о том, что Кирилл «изобрел» глаголицу, на которой и изложил славянский перевод Евангелия, заслуживает, на наш взгляд, большего внимания, только, как представляется, не «изобрел», а, вероятно, несколько «подчистил» те самые загадочные «рушкые письмена», какими писали наши далекие предки. Эту гипотезу, помимо редких фактов материальной культуры, подкрепляет простая логика: во-первых, и дитя малое испытывает естественную потребность *начертавати*, что же говорить о зрелом народе, и, по словам черноризца Храбра, славяне писали «чертами и резами» (что это были за знаки, он не уточняет), но, крестившись, стали использовать римские и греческие буквы, т.е. явно и в докирилловский период у славян была своя азбука; во-вторых, просто не могла не быть, ибо, даже опираясь только на факты, подтвержденные летописями о военных успехах русов в Византии (задолго до 988 г), невозможно себе представить неграмотных северных соседей, прошедших на **своих** ладьях неближний морской путь (тут не только писать, но и считать хорошо надо уметь); и, наконец, славяне жили в окружении письменных народов, и, в частности, сношения с торговавшими греками-христианами были довольно тесными. Самый же факт перевода Писания солунскими братьями на славянский язык свидетельствует отнюдь не о том, как это часто говорят ученые мужи, что свв. Кирилл и Мефодий облагородили наш язык и создали его литературную форму — нет, так не бывает, поскольку всякий язык есть плод совместных усилий этноса, его коллективного творчества, и даже при отсутствии письменной традиции литературного языка, таковой существует, но только в устном облачении, что несомненно подтверждает художественное предание народа[4]. Славянский же язык к моменту просветительской миссии греков имел уже такие мощные понятийные, лексические, грамматические объемы, что смог «вместить не-

[3] *Трубачев О.* Н. В поисках единства. М., 1997. С. 207.

[4] Часто за рассуждениями о «начале славянской письменности», категорически относимо- му лишь к середине IX в., скрывается застарелый миф о некультурности и молодости славянства, о примитивности и дикарстве наших далеких предков — этакая *наукообразная славянофобия.* Сторонники такой точки зрения часто довольно безапелляционны — своими формальными концепциями они подменяют живые отношения, бытовавшие во времена весьма отдаленные; к тому же «жесткие» научные конструкции нередко рушатся при неожиданных обнаружениях новых фактов. Между тем у вдумчивого исследователя существование письменности у славян в дохристианскую эпоху сомнений не вызывает. Но это одна сторона проблемы. Другая же — открывается в следующем: многие высокие культуры существовали вовсе без того, что *обычно принято* считать особыми достижениями, например, письменности или каменного строительства, механических устройств или использования в быту орудий из металла. Видимо, цели носителей таких культур, их осмысление земного бытия существенно отличались от наших представлений. Эти положения развивал американский ученый А. Кумарасвами в своей работе «Разве я сторож брату моему?» (см.: Am I my brother's keeper? N.-Y., 1947; тот же труд был издан и в Лондоне в 1947 г., но под названием «Грамотность как преграда» — «The bugbear of literacy»). «Кумарасвами олицетворял собой неуклонно развивающуюся школу мифологической и антропологической мысли, которая переросла провинциализм девятнадцатого века и перестала приравнивать понятия мудрости, прогресса и культуры к присущим современному Западу неестественности и взбудораженности» — см.: *Уотс А.* Миф и ритуал в христианстве. М., 2003. С. 19.

вместимое» — Слово Божие! Впрочем, «вместил» много ранее, но об этом ниже.

Английский византолог И.Б. Бери, специально изучавший сочинение Константина Багрянородного «Об управлении Империей» (ок. 952 г.), указывает на поразительный факт культурного доминирования славян: во-первых, в греческом тексте встречаются славянские слова для обозначения некоторых государственных понятий (!), во-вторых, переговоры с русами велись с самого начала по-славянски, в-третьих, законы и обычаи печенегов, а также мадьяр (последний пример, как считает исследователь, взят из мадьярских источников) обозначены славянским словом «закон» в греческой транслитерации, но не греческим νόμος, вожди мадьяр названы славянским термином роли «воеводы». И вот вывод Бери: «Я полагаю, что это объясняется тем, что между теми народами, которые находились в постоянных сношениях со своими соседями, болгарами и восточными славянами, *славянский язык был своего рода linqua franca* (общим языком), так что известное число славянских слов было очень распространено среди неславянских народов Дунайской и Днепровской областей. В сношениях с иноземцами, печенегами и мадьярами было самым подходящим пользоваться такими словами, и этим могло бы объясняться их появление в трактате Константина»[5].

Заслуживает внимания и свидетельство св. Иоанна Златоуста, что уже в его времена (IV в.) у скифов и сарматов был перевод на их родном языке Священного Писания. Любопытно, что, митрополит Макарий, приводящий, в частности, этот факт в своей «Истории Русской Церкви», тут же вопрошает: «Кто нас уверит, что если и наших, точно, скифов и сарматов разумел святой отец, то под этими именами надобно понимать непременно славян, а не другие племена, обитавшие в пределах русских?»[6]. В свете последних исследований академика Трубачева, поисков им славянских языковых реликтов как раз в северных пределах Таврии[7], сегодня уже положительно можно утверждать, что скорее всего под этими «скифами и сарматами» Златоуст разумел, во всяком случае, не только сарматов, именовавших себя **arya-*, ср. *Arraei Sarmatae* у Плиния (Plin. NH IV, 41), *Arii* у Епифания (IV в. н.э.)[8], но (с большой вероятностью) и славян, обитавших в областях как раз русских, ибо и само «название *Русь* родилось только на юго-восточной периферии древнего славянства»[9]. В своих уникальных разысканиях Трубачев высказывает предположение об «индоарийско-славянских культурных и языковых контактах, ориентированных на Старую Скифию Геродота[10]. Если мы не признаем возможности этих соприкосновений, мы не поймем или поймем неправильно факты языковой истории»[11], — утверждает ученый[12].

Так чудесно движется наука — дивны дела Твои Господи — почти через полтораста лет один уче-

---

[5] *Bury I.B.* The treatise De administrando imperio // Byzantinische Zeitschrift. 1906. XV.

[6] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 1. С. 167.

[7] См.: *Трубачев О.Н.* INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999.

[8] *Harmatta J.* Studies in the history and the language of the Sarmatians. Szeged, 1970. P. 29, 77; цит. по: *Трубачев О.Н.* INDOARICA... С. 115.

[9] *Трубачев О.Н.* INDOARICA... С. 123.

[10] «Предки индийцев на юге Украины! Не слишком ли сильное допущение? Нет, не слишком, потому что наши (славянские, иранские, индийские) общие предки когда-то жили именно где-то здесь. В общих чертах это известно давно. Но науке нужны новые факты, чтобы лучше знать, как общались друг с другом, когда разошлись своими путями, и кто и сколь долго оставался на старых местах» — см.: *Трубачев О.Н.* INDOARICA... С. 123.

[11] *Трубачев О.Н.* Там же. С. 116–117.

[12] За практической недоступностью вышеуказанного исследования Трубачева процитируем этот любопытный фрагмент главы «“Старая Скифия” (*Ἀρχαίη Σκυθίη*) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект»: «Греки появились на берегах Старой Скифии очень давно (начало поселения на острове Березань относят к VII в. до н.э.). Этнические отношения, почти навсегда скрывшиеся потом под общим именем Скифии и вскрываемые нами сейчас с таким трудом, в древности были живыми и налагали свой отпечаток на культурные и языковые контакты в этом районе. Довольно стабильное (“*ἐνοικαδιοι*”), земледельческое индоарийское население служило проводником информации, поступавшей в греческие эмпории из глубин Скифии. Так, называя некоторые более отдаленные народы, сначала греки, а вслед за ними и мы до сих пор, возможно, употребляем индоарийские имена. Большой иранский народ, известный как *Σαυρομαται* (Herod. IV, 21) и *Sarmatae* (Polib. XXV, 2), употреблял о себе, как, впрочем, и другие арии, основное самоназвание **arya-*... <...>

ный муж, раскрывая тайну слова, своим ответом вторит другому. Знали, знали славяне Правду Божию. Жертвенностью своею как главной вертикалью своей природы доказали это. И поклонение наших более чем далеких предков Солнцу, Свету, почитание Красоты мироздания не свидетельствуют ли о богоносном начале души русской, так чудесно сказавшейся в родном древнем эпическом слове. Как раз именно поэтому народ *русь* сердцем отозвался Христу, верою отозвался, назвав себя *крестианами*.

В глубине веков теряются *корни русской духовной культуры*, и вовсе не в Византии их должно искать; мудрый Трубачев видел в этих истоках «выработанную всем предшествующим славянским и индоевропейским языковым и общекультурным развитием систему достаточно высоких религиозных и этических понятий, выраженную в соответствующей исконной терминологии. Наугад взятая фраза из церковного богослужебного обряда — "створим требу господеви и богови нашему" — вся состоит из еще языческих по своему происхождению терминов... Не на пустом и диком месте был выстроен величественный христианский храм»[13], но на *богообразной* полноте бытия.

Конечно, христианство принесло на Русь греческую богослужебную лексику. Но! Ученые, работающие над «Словарем древнерусского языка XI–XVII вв.» обнаружили, что в древнейших русских — *не богослужебных* — текстах не менее 10 000 раз встречается слово *бог*, а слово *бог* имеет «глубокоязыческое происхождение». «Даже без специальных подсчетов... позволителен вывод о ядерном, базовом и наиболее частотном употреблении терминов, взятых христианством у старого дохристианского культа: *святой, вера, бог, рай, дух, душа, грех*, *закон* и некоторых других. Отныне то, что веками и даже тысячелетиями служило старой вере (а, например, слово *бог* **оформилось как религиозное, вероятно, под иранским влиянием еще в скифскую эпоху, то есть по меньшей мере за тысячу с лишним лет до Крещения Руси**), стало служить новой вере во Христа...»[14].

Итак, год 988-й. Все бытие народа одним энергичным движением как будто *вновь* сосредоточилось в высокой духовной мысли. Ценности веры христи-

---

Подобно тому, как о сарматах греки впервые услышали от индоарийцев Северного Причерноморья, таким же путем несколько столетий спустя сами греки и с ними тогдашний цивилизованный мир узнали о древних славянах. Равным образом название части славян на юго-восточной окраине *Ἄνται* (Прокопий), *Antes* (Иордан) не было славянским самоназванием, но также не было и словом иранского происхождения; оно возникло в индоарийской языковой среде, ср. др.-инд. *anta-* 'конец, край'. Эти данные, а также некоторые другие, сообщаемые ниже, позволяют высказать *предположение об индоарийско-славянских культурных и языковых контактах* (курсив наш. — *Н.М.*), ориентированных на Старую Скифию Геродота. <...> Так, Птолемей упоминает ставанов: *ὑπτ μέν τους ΟυὈενέδας πάλιν Γαλίνδαι καμ Σουδινομ καμ Σταυανομ μέχρι τῶν Ἀλανῶν* (Ptol. Geogr. III, V, 9) "а ниже венедов — галинды и судины, и ставаны до аланов". Считая это свидетельство сомнительным отражением славянского самоназвания **slověne* (сильное отклонение формы, слишком ранняя фиксация — II в. н.э.), ученые относили это имя то к сарматским, то к балтийским племенным названиям, ср. действительное соседство имени ставаны с аланами, а также с несомненными балтами — судинами и галиндами. Впрочем, было верно замечено, что этот перечень как раз отражает неплохое знакомство древнего географа с народами, заселяющими "азовско-балтийский коридор". Было бы необъяснимо и противоестественно, если бы в этом пространстве совершенно отсутствовали славяне. Связь форм **slověne* и *Σταυανοί* несомненна, ее нужно лишь объяснить. Ср. др.-инд. **stávāna-* или иран., авест. *stavana-* 'хвалимый', причастие от глагола др.-инд. **stauti*, авест. *stao^{i}ti* 'хвалить, славить'. Трудно не видеть здесь, что индоарийское или — на сей раз общее индоиранское **stavana-, Σταυανοί* — явилось передачей славянского **slověne* с субституцией *st-* вместо затруднительной группы *sl-* (вспомним аналогичную субституцию слав. *sl-* греческим *σqλ* в этом имени), а также с закономерным отражением славянского вокализма *о–ě* в виде единственно возможного индоиранского *а — а* (может быть, с долготой второго *а*, ср. вокализм древнеиндийской формы выше, на фоне вероятной долготы слав. *ě* в ** slověne*). Важно другое. Эта передача носила характер осмысленного перевода-кальки, что говорит об определенной степени контактирования, а также как бы подтверждает в наших глазах тут редкий пример единения народной и научной этимологии, которые отличает друг от друга только отсутствие или наличие необходимых ступеней словообразования, почему в одном случае та же самая связь как бы неверна (народная этимология *славяне<слава*), а в другом — верна (научная этимология **slověne< *slovo, *sluti> *slava*).

До настоящего времени серьезно не поднимался вопрос о древнеиндийском влиянии на праславянский, если не считать спорной книги Траймера (*Treimer K.* Die Ethnogenese der Slawen. Wien, 1954. S. 22, 37, 41, 47, 75), в которой, между прочим, уже говорится (правда, бездоказательно) об отражениях славянских контактов с праиндийцами, об индийском высшем слое в скифском обществе и о конкуренции древнеиндийского с иранским на Юге России» (*Трубачев О.Н.* INDOARICA... С. 115–118).

[13] *Трубачев О.Н.* В поисках единства. С. 37.

[14] Там же. С. 38 и далее.

анской были созвучны душе славянской, оттого-то Русь так радостно встретила Христа — *благословен Грядый во имя Господне*. Любимый Киев стал чистой купелью России. Здесь двенадцать сыновей великого князя были крещены в одном источнике, который сохранил память об этом событии в своем имени — Крещатик. Вместе с ними тут приняли благодатное омовение вод и многие бояре (и как страшен смысл киевских событий, развернувшихся здесь же, на Крещатике, хмурой осенью 2004 г.!), а немного спустя берега Почайны пережили священные и торжественные минуты Крещения Руси, когда почти все жители Киева, и стар и млад, вошли в чистые воды русского Иордана, с тем, чтоб навеки народ наш стал христианским. Это нерасторжимый великий Завет русского народа с Богом — *Киевский Владимирский Завет!*

В первые три года православие восторжествовало по всему великому пути «из Греков в Варяги», протянулось в северные земли, лишь Новгород, Ростов да Муром оказали сопротивление, но постепенно и оно было преодолено[15]. Созидая новую сильную державу, видел князь Владимир основу прочности ее в единстве народном, укрепленном созидательным Животворящим Словом и Духом. По преданию, в 990 или 992 г. равноапостольный князь посетил страну Суздальскую, куда сам принес свидетельство Истины, которому со смирением, подобно киевлянам, внимали обитатели этих краев; а на берегу реки Клязьмы заложил город, названный Владимиром, где построил деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Не вдадимся в рассуждения о духовном смысле Крещения — тому наилучший свидетель есть история нашего народа, жития русских святых — эта удивительная летопись русской святости. Но обратимся к обобщению результатов государственно-строительной работы св. равноапостольного князя.

Сам князь Владимир «не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить Россиян*. Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на Славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных Киевским Христианам, Великий Князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России»[16]. — Какой превосходный ответ современным гонителям просвещения нашего заблудшего народа, под всякими предлогами стремящимся запретить для изучения в школе всего лишь «Основ православной культуры», прикрывающимся мнимой демократичностью и так называемой веротерпимостью. — Хорошо понимал великий князь: знания, не объединенные духом веры, что рассыпанные богатства, которые легко употребить для самых различных целей, в том числе и во зло. По существу, православная государственная власть, начиная с князя Владимира, взяла на себя попечение об образовании народа — это была совсем новая плодотворная традиция.

Владимир-Креститель ввел Русь в великую христианскую семью. Он создал новый тип русской государственности — христианский, непременным идеалом которой стало распространение мира на земле, славы Божией, но не человеческой, умирение страстей, вражды и «ненавистной розни мира сего», противостояние греху и пороку; «не нам, не нам, но имени Твоему» служили во всю историю России, пока стояло православное царство, лучшие русские люди.

Именно *русский мир*, как показывает хроника мировых событий, являлся главным оплотом христианской цивилизации — разрушение же его привело к катастрофическим последствиям для всего человечества. А попытка восстановления империи в 40-е гг. XX в. и создания всеславянского (восточно-европейского социалистического лагеря) союза, увы, принесла скудные плоды. Успех оказался недолговечным, ибо краеугольным камнем этой формации стало безбожие. Великий обман русского народа во время Второй мировой войны, и в Советском Союзе, и в рассеянии, стал непременным залогом сокрушительного падения всей коммунистической конструкции, но не только ее. Все, что сегодня происходит в мире, есть, на

[15] Конечно, не все было гладко и безболезненно; исторические свидетельства говорят о борьбе с языческими богами. «Трогательно, однако, что, при всей резкости, революционности смены язычества христианством на Руси, как и во всем славянском мире, сопровождавшейся разорением прежних святынь, идею святости и само понятие *святой* уходящее язычество передало христианству. Прежняя вера только потом была изобличена как *суе-верие*, то есть "напрасноверие, тщетная вера"... Все обличительное именословие родилось в борьбе, а раньше это, видимо, называлось иначе и было сродни мудрости, вещему духу, доброму смыслу» (*Трубачев О.Н.* В поисках единства. С. 39).

[16] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 154.

наш взгляд, результат векового геноцида русского народа — народа богоносца, с его всемирной отзывчивостью и богатством христианской души. Это определение нашей национальной самости, данное Достоевским, поразительным образом подтвердилось особенно событиями XX в.: остервенелые силы тьмы бросились, в первую очередь, терзать именно русский народ, именно Православие, носителем духа которого остаются русские. И сегодня строителям «глобальной вселенной» сильно мешает наш народ с его ярко выраженным государственным, имперским сознанием, с кровным чувством справедливости, абсолютного добра, даруемым только Богом.

Эти драгоценные качества русского душе- и умоначертания, словно *Началохудожник*, бережно взращивал святой князь Владимир, превосходно понимая, что только с Богом в душе человек есть творение здравое, что только такой человек есть строитель, созидатель мира живого, *соработник* Домостроительства Божия. Пережив настоящее покаяние с принятием Крещения, Владимир стремился подавать и своим присным пример христианского благочестия. Еще в 983 г. на глазах князя были замучены Феодор и Иоанн, отец и сын, варяги-христиане. Не забыл сего Владимир, и после святого Крещения воздвиг он на месте гибели этих мучеников за веру Христову Богородичный храм, знаменитую «Десятинную» церковь, во исполнение заповеди Божией давать Господу десятину от своих имений («И всякая десятина на земле из семян земли и из плодов дерева принадлежит Господу: это святыня Господня... И всякую десятину ... из всего, что проходит под жезлом десятое должно посвящать Господу». Лев. 27. 30, 32).

Широко известно нищелюбие святого князя. Летописец рассказывает, как Владимир повелел всякому сирому и убогому приходить на его двор и взимать каждому на потребу еды и пития, и денег; князь построил для калек и бедняков богадельни, которые содержались на его средства. Это любопытная особенность русской государственной власти, которая уже с самого начала фактически взяла на себя социальные функции, чего не знала Европа, ни времени Владимира, ни позже, там эти обязанности были переданы Церкви. Во внутреннем управлении государством князь впервые признал значение закона писанного, а позже появятся и княжеские уставы. Церковь и земские власти воспримут основы византийского права.

Русская Церковь с первых дней своего существования стала силою государственно-объединительной. Слово Истины навеки спаяло воедино русский народ, именно религия оказалась важнейшим консолидирующим фактором в процессе формирования нашего национального самосознания. Дух Христова учения и авторитет Церкви проникли все стороны государственной и народной жизни. Церковь и Государство шли рука об руку — так было и при св. князе, и в последующие времена вплоть до известных событий второй половины XVII в. По сути, князь Владимир установил ту симфонию властей, о которой писал в своих новеллах император Юстиниан, тот самый живительный принцип внутреннего равновесия, что пришел к нам из Византии и в основном сохранялся на протяжении всего периода Московского царства.

Владимир Великий положил основание монархическому строю нашей державы. Этот строй по своему существу есть строй теократический. Бог есть высший владыка неба и земли. И святой князь, сам приняв Крещение, уже этим актом освятил свою правящую десницу: власть освящена, теперь она от Бога Истинна.

Русь отныне обретала статус царства и входила в ранг великих держав (как глубока и неотъемлема традиция!).

Женитьба князя Владимира на византийской принцессе Анне стала событием выдающимся; греки не хотели выдавать своих царевен и за западных императоров, и только после долгих переговоров в 972 г. узы супружества связали царевну Феофано, сестру Анны, с Оттоном II. Цари Константин и Василий породнились лишь с германским императором и русским великим князем! Владимир сумел блестяще занять прочное место в Европе и по своим варяжским связям, и по новому германскому родству, и одновременно сохранял добрые отношения с Византией (он помогал Византии в трудных походах в Сирию против магометан), стремясь выдерживать таковые же с Римом. Политика его носила определенный общеевропейский характер. А браками детей своих еще прочнее закрепил он связи польские, венгерские, шведские. По смерти же царевны Анны князь вновь женился, взяв на сей раз супругу из германского императорского дома, внучку Оттона Великого, но которая также была родной племянницей Феофано. Таким образом Земля Русская при св. Владимире обрела высокое положение среди европейских государств и вместе

удержала прочную связь с Византией; а сам великий князь сознательно обосновал европейский путь развития Русской державы. Но, как кажется, это было возможно лишь в условиях единой христианской ойкумены.

А потому, с одной стороны, сегодняшняя политическая концепция включения России в общеевропейский союз имеет весьма глубокие корни, но, с другой, — промыслительно история наша пошла иными путями, путями сохранения правой веры, на то, очевидно, была воля народная уже после трагического для бытия христианской цивилизации 1054 г. Владимир-Креститель почил в 1015 г., однако несложно предположить, каковой бы была его позиция, случись отпадение Римской кафедры еще при жизни князя. Во всяком случае, митрополия Русская сохранила прочные узы с Византийской Матерью-Церковью, ценности веры оказались выше сиюминутных и, как правило, тщетных политических надежд. В середине XV в., после падения Византии, пережившая татаро-монгольское нашествие и возродившаяся Московская Русь оказалась один на один с Западом, с Европой, уже во многом утратившей свои христианские начала и стремившейся любыми путями подчинить себе православную *Гиперборею*. И только прошедшая сквозь горнило иноземного ярма государственная воля нашего народа, христианский дух его, взращенные святым князем, сохранят Русское царство до катастрофы 1917 г.

Крепка была память народа русского о Владимире и его Державе, о Святом Граде Киеве. Московские князья, собиратели Земли Русской, вспоминали о прадеде своем св. Володимере; в грамоте об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова специально говорилось о великом князе, просветившем Русь святым Крещением и за то равноапостольным называемым, расширившем свои владения и через то самодержавным нареченным.

Так, воскресавшее Русское государство, созидаемою Москвою, хранило в своей исторической памяти Завет Владимира-Крестителя, так сохранялась великая преемственность поколений, из рода в род передававших «преданья умной старины», так обновлялась священная традиция русской православной государственности, которую Москва унаследовала от Киева.

Именно св. великого князя Владимира вспоминал в своем слове Киевский митрополит Сильвестр, когда 16 января 1654 г. вместе с малороссийским духовенством встречал боярина Бутурлина, принимавшего Малую Русь в соединение с Московским царством, ибо не было другого такого исторического деятеля, другого такого имени, которые бы стали подлинным символом единства русского народа. Держава св. Владимира явилась основанием национального и культурного объединения восточных славян как славян русских; и это великое значение ее сохранялось на всех этапах истории нашего народа, особенно же, когда сложились три его могучие ветви — малорусы, великорусы и белорусы.

И совсем не случайно русские беженцы в изгнании, в той же самой Европе, с особым почтением будут отмечать день памяти Владимира-Крестителя. Этот праздник станут именовать Днем Русской Славы. Для многих тысяч православных страдальцев этот день обретет значение упования, надежды на возрождение Отечества. Особое почитание святого князя, основателя православной державы, в Русском Зарубежье точно укажет на самый источник духовной силы несломленной России. В 1934 г. в Харбине будет создан Институт св. Владимира с богословским, экономическим и политехническим факультетами, в Белграде возникнет Братство св. Владимира, после войны в Бразилии (Сан-Пауло) будет выходить «Владимирский Вестник» (1956–1968). А празднование 950-летия Крещения Руси пройдет с невероятным размахом и подъемом; 1938 г. поистине станет для русских изгнанников годом св. Владимира — бурный всплеск православных Владимирских торжеств как будто в последний раз перед страшной войной омоет благодатной волной усталую Европу.

Но подобная волна поднималась и годом раньше, в 1937-ом, в столетие кончины Пушкина. А самый день рождения поэта — это другой особый праздник русских беженцев — стал Днем Русской Культуры[17].

[17] Не случайно в далеком Харбине (но который духовно, конечно, был ближе к исторической России) в 1937 г. горячий патриот, священномученик архиепископ Нестор/Анисимов/, владыка Камчатский и Сеульский, отмечая сею скорбную для русских дату, писал: «Среди мучительных переживаний современности, когда наша Родина стонет под тяжким гнетом, а мы, Ее изгнанники, едим горчайший хлеб изгнания в нищете и унижении, когда отчаяние порой готово охватить малодушное, настрадавшееся сердце, — радостно вдруг осознать, не разумом только, но сердцем почувствовать, что вопреки всем унижениям, всякому презрению, которых пьем мы полную чашу, все же принадлежим мы к великому, величайшему в мире народу.

Итак, два дня в году — 26 мая (ст. ст.) и 15 июля (ст. ст.) — почти на протяжении 20 лет (да и после войны, хотя, по понятным причинам, уже не с тем размахом) особо торжественно отмечались нашими соотечественниками за рубежом.

«Помни, что ты русский» — эти слова можно было прочитать во многих классных комнатах русских учебных заведений, например, в Югославии. Помнить об этом помогали и оба праздника — Владимирский и Пушкинский...

Воистину удивительная, мимо времени и пространства, встреча двух великих имен, встреча, так понятная и близкая русскому сердцу, и уж совсем поразительно — встреча, документально оправданная: многолетними трудами отечественного пушкиниста-подвижника, Андрея Андреевича Черкашина, достоверно установлена родословная А.С. Пушкина, идущая от Рюрика, от святого равноапостольного великого князя Владимира — Крестителя Руси[18]!

Так восхитительно неслучайна духовная история народа, так поразителен пульс нашего бытия, так необъятны глубины души народной...

Но если чуть пристальнее вглядеться в два этих лика, легко увидеть то общее между ними, что, как раз, и называется «русский». Крепость и сила духа, несгибаемая воля, даруемая лишь твердым убеждением, что служишь Истине, живая вера в Бога, вера и верность, и жертвенность, и горячая любовь к народу и Отечеству своему.

«Вещий дух» и «добрый смысл» суть исконные русские начала, а воспоминания о святой старине побуждают нас хранить то *горчичное зерно*, что даровано нам Творцом.

© Масленникова Н.В.

А это чувство, это неоспоримое сознание никто в нас не будит так ясно, так ярко, как именно Пушкин...

Его мятущаяся, его многострадальная душа, как в зеркале, отразила всю полноту Русской души, и самый жизненный путь его, исполненный то нравственных падений, то высочайших взлетов духа, так ярко отображает исторический путь нашей Родины, которой одинаково близки и глубокие пропасти, и высочайшие вершины духа.

И недаром с именем Пушкина в дальнейшей истории Русской мысли так связаны крупнейшие переломные моменты оживления и пробуждения национальных светлых чувств. Таким моментом было торжество открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году, когда огненным словом Достоевского, именем Пушкина, Русское общество оказалось пробужденным от чар интернациональных и революционных бредней и вдруг почувствовало себя снова Русским, православным, облеченным высшим духовным призванием. Быть может, это духовное пробуждение отсрочило на сорок лет нашу тяжкую катастрофу и дало много здоровых ростков в Русской душе, не умерших и доселе.

Кто знает, какие последствия для пробуждения Русского чувства будет иметь нынешнее чествование его имени. Не будет ли оно связано с зарей возрождения нашей Родины?

Да совершит это чудо Господь» (Наш путь. Харбин, 1937. № 37).

18 См.: *Черкашин А.А.* Тысячелетнее древо А.С. Пушкина. М., 1998.